

Хуа Чэ в своих капризах ничем не отличался от трёхлетнего ребёнка. Сколько его ни уговаривали, он упрямо отказывался пить лекарство. Чу Бинхуань, не отличавшийся терпением, без лишних слов заблокировал его акупунктурные точки, разжал ему рот и влил туда всю приготовленную микстуру.

Затем Хуа Чэ, лёжа на полу, горько плакал, словно его вынудили продать себя, чтобы похоронить отца.

— Чу Бинхуань, это же убийство собственного мужа! Если хочешь овдоветь, так и скажи, я тебе помогу!

В конце концов Чу Бинхуань, схватив меч, начал преследовать его по всей Долине Ясной Луны, и только тогда Хуа Чэ наконец замолчал.

Лекарство было горьким, но, несмотря на его жестокость, оно действительно помогало.

Сказав это, Хуа Чэ почувствовал неловкость и, сделав глоток микстуры, с трудом сдержал слёзы. Внезапно во рту появился сладкий вкус.

Это были цукаты.

Хуа Чэ с удивлением посмотрел на Чу Бинхуаня. Неужели этот «жестокий» врач оказался таким заботливым? Разве он не любил наблюдать, как его пациенты страдают от горького лекарства?

Вкус цукатов был знакомым.

— Это ты... — Хуа Чэ указал на свои бледные губы. — Где ты их купил?

Чу Бинхуань развернул белую ткань, внутри которой лежали более десяти различных видов цукатов:

— Я сам их сделал.

Хуа Чэ был сладкоежкой, даже цукаты он любил обильно поливать мёдом. Ему нравились цукаты из яблок, груш, слив и абрикосов.

Он пробовал цукаты с уличных лотков в Мире смертных и те, что готовили дворцовые повара, но ничто не могло сравниться с теми, что сделал Чу Бинхуань. Они заставили его глаза загореться, и с первого же кусочка его вкусовые рецепторы были избалованы.

К сожалению, Чу Бинхуань был скуповат и выдавал цукаты только тогда, когда Хуа Чэ

принимал лекарство, что доставляло ему немало страданий.

Позже, когда он покинул Секту Шанцин и оказался вдали от Чу Бинхуаня, цукаты стали для него недоступны.

Когда они снова оказались рядом, их отношения превратились в противостояние, и речи о том, чтобы кто-то готовил для другого, уже не шло.

Спустя сто лет, попробовав их снова, Хуа Чэ едва сдержал слёзы.

Он взял ещё одну, затем третью, четвёртую, пятую, пробуя каждый вид цукатов.

— Не ожидал, что благородный Чу так искусен, — улыбнулся Хуа Чэ. — Если какая-нибудь женщина выйдет за тебя замуж, ей повезёт!

Чу Бинхуань бросил на него взгляд, затем разжёг костёр.

— Ледяной, почему ты не пошёл в Секту Шанцин?

Чу Бинхуань сломал ветку и бросил её в огонь:

— Не хочу.

Хуа Чэ лениво спросил:

— Ты хочешь достичь великого Пути и вознестись в бессмертие?

Чу Бинхуань ответил:

— Нет.

— Значит, ты тоже привязан к мирской жизни? — Хуа Чэ был удивлён и с улыбкой спросил:

— Тогда скажи, какой тип женщин тебе нравится? Ты ведь не женишься на смертной, верно?

Чу Бинхуань промолчал, и Хуа Чэ продолжил:

— Во-первых, она должна быть из знатной семьи, хотя бы равной Юньтянь Шуйцзин. Во-вторых, у неё должен быть хороший характер, она должна быть терпеливой к твоей холодности, мягкой и мудрой, а также иметь достойный уровень мастерства...

— Хуа Цинкун.

— Она не должна быть слишком слабой, должна быть сильной, уметь вести хозяйство, и особенно важно, чтобы она умела готовить. Ты, благородный Чу, с детства избалован, привередлив, не ешь мясо, только овощи, не любишь лук, чеснок и перец, предпочитаешь тофу и мучные изделия...

Чу Бинхуань напрягся, глубоко посмотрев на него:

— Ты так хорошо меня знаешь?

— Любишь цзяоцзы с начинкой из трёх деликатесов, пьёшь только чай «Туман горы Лу», ну, в крайнем случае подойдёт и «Лунцзин с озера Сиху». Не любишь алкоголь, кроме как по праздникам, предпочитаешь «Белую росу осени». Страдаешь манией чистоты, ненавидишь грязь, если после тренировки не помоешься перед сном, обязательно получишь взбучку...

В глазах Чу Бинхуаня появилась дымка:

— Откуда ты это знаешь?

Хуа Чэ усмехнулся:

— Я догадался! А ещё каждую ночь перед сном ты зажигаешь благовоние «Сяншуй». Я запишу всё это и передам твоей судьбе.

Чу Бинхуань нахмурился:

— Замолчи и отдохни.

— Не хочу, — улыбнулся Хуа Чэ, его лицо, несмотря на усталость, оставалось ясным и открытым. — Боюсь, если сейчас замолчу, потом уже не смогу говорить.

— Не говори глупостей! — резко воскликнул Чу Бинхуань.

Хуа Чэ не ожидал такой реакции. Он не хотел дразнить, просто действительно чувствовал себя неважно.

Хуа Чэ с трудом успокоил:

— Врачи привыкли к жизни и смерти, ты привыкнешь.

Чу Бинхуань схватил его за запястье, приложив правую руку ко лбу.

— Неудивительно, что ты бредишь, у тебя жар.

— О, — спокойно принял это Хуа Чэ, не придав особого значения, и серьёзно попросил:

— Пожалуйста, принеси бумагу и кисть, у меня нет сил, так что ты должен написать за меня!

Чу Бинхуань не понял:

— Что писать?

Хуа Чэ серьёзно ответил:

— Напиши свои предпочтения и запреты, чтобы передать твоей будущей судьбе! Поторопись, а то я забуду.

Чу Бинхуань промолчал.

Не стоило спорить с человеком, который бредил от температуры!

— Кто был поджигателем? — сменил тему Чу Бинхуань, его голос стал низким и серьёзным. — Ты его видел?

— Нет. Но... — Хуа Чэ посмотрел на чёрное небо с тучами и загадочно усмехнулся. — Я, наверное, догадываюсь, кто это.

Чу Бинхуань не стал расспрашивать дальше, сейчас главным было здоровье Хуа Чэ.

— Расслабься.

Хуа Чэ знал, что Чу Бинхуань собирается провести исследование души, и не сопротивлялся.

Исследование души — это когда практикующий входит во внутренний мир другого, чтобы изучить его душу, сознание и Золотое ядро. Практикующий может наложить проклятие, извлечь душу, украсть Золотое ядро или даже захватить тело.

Однако сам практикующий также рискует, ведь если объект сопротивляется и истинная энергия ударит слишком сильно, практикующий может получить обратный удар, и его душа будет поглощена.

Чу Бинхуань осторожно вошёл во внутренний мир Хуа Чэ, чтобы убедиться, что на нём нет скрытых проклятий.

Когда он вышел, то обнаружил, что Хуа Чэ закрыл глаза, его голова склонилась набок, дыхание было лёгким — он заснул.

Хуа Чэ спал плохо, ему снились отрывочные сны, которые не связывались воедино.

То ему снилась Хуа Мэйэр, вышивающая при свете масляной лампы. Её вышивка была прекрасна: лотосы, словно живые, чисты и непорочны; сливы, гордо цветущие, сильные и независимые. Она вышивала, говоря ребёнку, лежащему у неё на коленях:

— Мама больше всего любит лотосы и сливы. Одни — стойкие, независимые, другие — чисты, как снег, благородны и святы, словно цветы мудрецов.

— Чээр, твоё имя подобно лотосу — чистому, непорочному, без единого пятнышка. Твоё сердце должно быть подобно ясному небу — свободным и широким, без туч и дождей, вечно мягким и светлым.

Он поднял подбородок, чтобы взглянуть на раскрытый сборник стихов. Только начав учиться читать, он любил хвастаться, читая строго и чётко:

— Осенний дождь так ярок, горы окутаны ясным небом.

Мать ласково погладила его по голове.

Её руки были теплы, как солнечный свет.

То ему снился Лу Минфэн, восседающий в зале, окружённый поклонением бесчисленных бессмертных.

Тысячелетний мастер, строгий и величественный, уважаемый и сдержанный.

Все практикующие Поднебесной восхищались им, и считалось, что попасть в его ученики — это удача, выпадающая раз в десять жизней.

Хуа Чэ думал, что ему такая удача не светит и что она точно достанется Чу Бинхуаню, но Лу Минфэн неожиданно обошёл Чу Бинхуаня и выбрал его.

Говорят, это сильно разозлило Мэй Цайлянь, которая даже пришла в Секту Шанцин, чтобы потребовать объяснений.

Старейшина Цяньян тоже не понимал, ведь все знали, каковы способности Чу Бинхуаня. Хотя Хуа Чэ тоже был неплох, но почему бы не взять обоих? Разве можно иметь слишком много талантливых учеников? На Турнире Десяти Тысяч Сект они могли бы занять первые места, и это принесло бы славу секте!

Конечно, он не мог этого сказать, ведь старейшина был на седьмом небе от счастья, получив такого ученика, и боялся, что Лу Минфэн передумает.

А Хуа Чэ, которому улыбнулась удача, был поражён. Его учитель был прекрасен и относился к нему очень хорошо. Хотя он был строг, но в глубине души тёплый и щедрый, никогда не скупился на то, что было полезно ученику.

Духовные инструменты, эликсиры, травы, различные редкие грибы, ванны для усиления мастерства — всё это вызывало зависть и ревность у других учеников секты.

<http://bllate.org/book/15412/1362939>